

т. Орлов

УДА

Кресты золотые иконы
Александровы

Михаилу Григорьевичу

~~Василию~~
Мисе — Михаилу

~~СЕКРЕТНО~~ *aa, 41*

СЕКРЕТАРЮ ЦК КП/б/БЕЛОРУССИИ

товарищу ГУСАРОВУ Н.И.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ БССР

товарищу ПОНОМАРЕНКО П.К.

Я обращаюсь к Вам, как человек, многое переживший, но непотерявший воли к труду, как писатель, который чувствует, что своей честной творческой работой может еще не мало сделать полезного для блага нашей Родины.

Партия Ленина-Сталина умеет распознавать истинное лицо человека, его идейное и моральное содержание независимо от того - где бы и в каких условиях он не находился. Поэтому как свою исповедь перед партией я пишу это письмо, адресуя его к Вам - руководителям партии и правительства нашей республики. Я уверен, что при ознакомлении с фактами моей общественной биографии, мне будет оказана необходимая моральная помощь и я, минуя искусственно созданные огромные преграды (о которых расскажу ниже), смогу включиться вновь в плодотворную жизнь советского общества, как честный труженик, поэт.

Краткая биографическая справка о себе. Родился 9 января 1906г. в г.Минске, в семье рабочего-сапожника. В 1921г., будучи 15-летним подростком в газете "Советская Белорусь", напечатал первое свое стихотворение. В 1923г. был принят в члены ЛКСМБ. В 1926г. кандидатом, а в январе 1930г. был принят в члены КП/б/Б.

За годы моей литературной деятельности вышло в свет более 20 сборников стихов, поэм и пьес, а также десятка два книжек для детей дошкольного и школьного возраста. По данным библиотечного сек-

тора, опубликованным в печати в дни XX-й годовщины Великого Октября, всего моих книг, включая переводы на русский и др. языки народов СССР, издано общим тиражом около 2 миллионов экземпляров.

Я являлся одним из инициаторов и авторов поэмы "Письмо белорусского народа Великому Сталину". На Всесоюзных и республиканских литературных конкурсах на лучшую советскую песню и лучшую книгу для детей - премиривался. Первым из белорусских советских писателей начал печататься в газете "Правда".

В общественно-партийной и литературной жизни республики принимал самое деятельное участие. Избирался в состав руководящих партийных и советских органов. Был кандидатом в члены ЦК КП/б/Б, членом Минского ОК и ГК КП/б/Б, членом ЦК ЛКСМБ, ЦК БССР. Был членом Союза и членом Правления Союза советских писателей СССР и БССР. Избирался делегатом III-го Чрезвычайного Съезда Советов СССР и, как делегат съезда, избран был в состав Редакционной Комиссии по окончательному редактированию текста Конституции СССР, возглавляемой И.В. Сталиным.

По мобилизации ЦК КП/б/Б неоднократно посылался, как уполномоченный ЦК и СНК БССР, в районы для проведения политических кампаний (посевные, хлебозаготовки и др.). Выполнял специальные задания ЦК КП/б/Б в Академии наук БССР, в частности на языковедческом фронте.

Был избран членом-корреспондентом Академии наук БССР.

2-го июля 1938 года я был арестован органами НКВД БССР и вскоре осужден Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР сроком на 15 лет исправительно-трудовых лагерей.

В связи с ходатайством о пересмотре моего дела, в ноябре 1946г. постановлением пленума Верховного Суда Союза ССР срок моего пребывания в заключении был снижен на 8 лет, т.е. на то время, которое я по существу уже отбыл. На основании этого постановления я из лагеря

освобожден.

В чем меня обвиняли?

Я обвинялся в том, что, якобы, я состоял участником белорусского контрреволюционной националистической организации, ставящей своей целью оторвать БССР от СССР в пользу панской Польши. В показаниях, данных на меня ранее разоблаченными и арестованными врагами народа, быв. ответственными работниками БССР, не было ничего конкретизирующего мою якобы вражескую работу, а лишь огульные провокационные заявления, что, мол, слышали, что я на литературном фронте проводил националистическую деятельность вместе с поэтами Янкой Купала и Якубом Коласом. Какая же именно контрреволюционная работа проводилась - не сказано. И это понятно. Никогда я не был участником к.р. организации, никогда в жизни антисоветской деятельностью не занимался. Наоборот, под руководством партии, которая вырастила и выпестовала меня, я вел систематически и напряженно активную борьбу с белорусским буржуазным национализмом. Враги партии и советской власти меня ненавидели, третировали и я принимал это как лучшую оценку моей партийной и литературной деятельности.

Следователи, которые вели мое т.н. дело (они вскоре были разоблачены и арестованы как враги партии и народа) для того, чтобы "разоблачить" меня, запутывали клубок лживых обвинений, прибегая и к методу очных ставок. Какие же очные ставки должны были подтвердить мою вину?

Мне дали очную ставку с тов. Дорожкиным (профессором, ныне работающим в Академии наук БССР). "Разоблачая" меня, как якобы участника к.р. организации он (Дорожкин) заявил, что лично ничего конкретного о моей к.р. деятельности не знает, но о том, что я являлся участником к.р. организации он, якобы, слышал от ... Якуба Коласа. Была

у меня очная ставка и с б. секретарем ЦК КП/б/Б Потапейко, который имел целью оклеветать меня, но смог лишь повторить, что о конкретной деятельности моей ему ничего не известно, но он об этом слышал от ... Якуба Коласа.

Желая скомпрометировать лучших представителей белорусской советской поэзии, как националистов, следователями были "изготовлены" и др. показания, которые огульно, но с явной провокационной целью должны были "доказать", что Н.Купала, Н.Колас и я, пользуясь своим авторитетом среди белорусской интеллигенции, об"единили вокруг себя недовольных советской властью и пр., что группа бел.советских писателей Н.Купала, М.Лыньков и я, выезжая на открытие Днепростроя в Запорожье, имели задание, данное Игнатовским - установить связь с украинскими националистами. Как известно, открытие Днепростроя было в 1933г., а махровый белорусский националист Игнатовский покончил собой в 1930г. Таким образом дать нам "задание" он никак не мог. Но следователей это не интересовало. Им важен был "факт", пусть вымысел, ложь, пусть провокация.

Аналогичную цель - вывести из строя кадры бел.советских поэтов и писателей - имело показание разоблаченного польского разведчика Тарашевича. Он заявил, что во время Всесоюзного съезда писателей в 1934 году в Москве им, якобы, велись переговоры с Н.Купала, н.Коласом и мною о создании бел.националистического центра. И это с начала и до конца сплошной вымысел, ибо никаких разговоров и встреч с Тарашевичем не было.

В 1937г. в Минске приезжал Яковлев (б. зав. сельхозотделом ЦК ВКП/б/). Он вызвал (через М.Лынькова, который был в тот период секретарем партийной организации Союза писателей) Н.Купала, Н.Коласа и

меня в ЦК КП/б/Б для беседы, познакомил меня с новым руководством ЦК КП/б/Б. Позже Яковлев был арестован. Следователи решили истолковать вызов нас в ЦК КП/б/Б, как, якобы, вызов на к.р. совещание.

Методы следствия, примененные ко мне, вынудили меня стать на путь самооговора и подписать всю эту явную ложь.

Однако, правда восторжествовала.

Партия и советская власть открыли мне ворота в жизнь. Я вернулся в Минск (в мае 1947г.). Но здесь я встретил со стороны двух-трех влиятельных писателей (влиятельных не своим творчеством, а занимаемым официальным положением), не ошибусь, если назову это - организованной травлей. Всячески, пытаюсь оклеветать меня, навязывая мне, якобы, националистическую деятельность в прошлом, они даже используют трибуну Союза Советских писателей.

И имею ввиду М.Климковича и А.Кучера. Кучер в пьяных компаниях и даже на работе неоднократно заявил: "Пока я (Кучер) живу - Александровичу не будет хода на белорусской земле", мол, "мы (кто это мы?) все равно не допустим Александровича в бел.литературу" и т.д.

На это можно было бы не обращать внимания, а работать упорно, честно, трудолюбиво, если бы не выступление Климковича (месяца два тому назад) на собрании Союза писателей, в связи с принятием в члены Союза б. в заключении еврейского писателя Долгопольского. Климкович заявил, что, мол, он, якобы, знакомился с материалами прокуратуры (?) и утверждает, что Долгопольский был не виновен, а всему виной оказывается националистическая деятельность Александровича. Это выступление Климковича, направленное на то, чтобы "обработать" общественное мнение писателей против меня, а также выступления Кучера на семейных вечеринках и пр. заставляют меня обратиться к Вам с просьбой о помощи, дать мне возможность под руководством партии честно трудиться в семье

советских писателей, включиться в живую, кипучую, созидательную жизнь нашей страны.

Не чувством бдительности и не чувством недоверия объясняется "линия" Климовича и Кучера, в связи с моим приездом, а лишь желанием сводить личные счеты, боязнь творческого соревнования и др. Это подтверждается хотя бы тем, что и Климович и Кучер написали по десятку статей о моем творчестве и ни в одной из них ни разу не указывали на националистический характер моих произведений.

И работал на литературном фронте в период обостренной классовой борьбы в Белоруссии, я рос в этой борьбе и закалялся как советский поэт.

Какими документами я могу подтвердить, что я под руководством партии вел активную борьбу с классовым врагом, с белорусскими националистами?

I. В своих произведениях я воспевал Великую Октябрьскую социалистическую революцию, героизм гражданской войны, строительство БССР, новый город, новый быт, комсомол, трудовую доблесть рабочей молодежи, колхозный строй, борьбу за выполнение сталинских пятилеток. Я пел о вождах партии и народа, о борьбе трудящихся Западной Белоруссии. Многие стихи и поэмы с боевой политической заостренностью конкретно направлены против врагов советской власти, буржуазных националистов.

В стихотворении "Аукцион" я выступил против тех, кто посылал в период немецкой оккупации Белоруссии (1918г.) приветственные телеграммы кайзеру с выражением верноподданных чувств и пр., называл их фамилии и, это в то время, когда эти люди, притаившись, сидели в разных советских учреждениях на ответственных постах!

В "Поэме про ворага", "Поэме імя вызвалення" и в поэме "Цені на сонцы" - я остро, как говорится, в лоб, также указывая конкретно на

определенных лиц, выступал против б.белогвардейцев, министров к.р. националистической рады, помещиков, эсеров и др. агентов польской дефензивы, которые замаскировавшись "заседали" в советских учреждениях. И с гордостью могу сказать сейчас, что все они полностью в 1930-33гг были разоблачены и изолированы.

Все эти мои поэтические работы были популярны в БССР и являлись оружием в руках партии против врагов белорусского народа. К этому надо прибавить значительное количество моих статей, опубликованных в газетах, а также многочисленные выступления перед разнообразными аудиториями в республике.

2. Националисты меня ненавидели. Они всячески изощрялись компрометировать меня, третировали, пытались заглушить мой голос провокациями и угрозами физически меня уничтожить. Националисты в БССР и в Западной Белоруссии за советскую, партийную тематику моих произведений называли меня в печати "певцом казенной радости", "партийным одписцем", "подкидышем московских комиссаров" и пр., пр.

3. В декабрьской книге (№ 12) журнала "Польмя" за 1927 год была напечатана первая часть моей поэмы "Цені на сонцы" - литературно-политический памфлет, рисующий целую галерею людей, активно боровшихся с молодым советским государством. Появление этой поэмы в печати было точно бомба, брошенная в националистическое болото. Националисты возмутились появлением "в таком солидном журнале такого хулиганского произведения". Посылались их протесты и заявления о выходе из состава сотрудников журнала. Писали заявления-жалобы на меня в официальные органы, требуя своей реабилитации и наказания меня. Был в тот период секретарь ЦК КП/б/Б Василевич, вызвал меня в ЦК, обругал, "призвал к порядку" и запретил работать над продолжением поэмы.

48

В январской книге (№ I) за 1928 год должна была быть опубликована вторая часть поэмы (рукопись была уже сдана в набор). Однако вместо продолжения поэмы в журнале напечатали письмо-заявление "Ад редакции", в котором редакция по сути дела извиняется перед читателями за помещение в журнале этой моей поэмы. Травля и третирование усилились. И только в 1930 г., когда "герои" поэмы были разоблачены соответствующими органами и осуждены, по инициативе писателей-коммунистов, поэма снова была опубликована, но уже в журнале "Молодняк". В это время я написал третью заключительную часть поэмы и эпилог - широкое известное стихотворение - "Партия клича".

Поэма выходила многотиражными изданиями, изучалась во всех школах и вузах. Несмотря на то, что прошло 20 лет с момента появления в печати поэмы "Цені на сонцы", она и сейчас во многом не утратила своей политической остроты и актуальности.

Кстати, т.т. Климкович и Кучер пытаются политически опорочить поэму "Цені на сонцы", заявляя, что она, якобы, написана в угоду националистам!? Жалкая попытка! Текст, содержание произведения, красноречиво говорят о действительной политической направленности. Много лет она делала свое полезное дело, являясь единственной в бел. литературе попыткой смело и нелюбопытно разоблачить высокопоставленных националистов - агентов реакции.

4. О том, что националисты, эсеры и др. представители белорусской к.р. вели систематическую работу против меня, свидетельствуют следующие факты:

а) На одном из собраний писателей в г. Минске выступил, видимо, с целью пришедший на это собрание в Дом писателя, эсер Лешевич с явной провокационной речью, направленной против меня, как борца за ленинско-сталинскую национальную политику. Но этого "гостя" разоблачили

и выгнали из Дома писателя (об этом факте было опубликовано в газете "Звезда").

б) Среди группы белорусской националистической интеллигенции нелегально распространилось стихотворение к.р. содержания, кажется, под названием "Пасеклі наш край". Националисты, с целью политически меня скомпрометировать, пустили слух, что, якобы, авторство этого к.р. стихотворения принадлежит мне. По этому поводу в литературной печати было опубликовано постановление коммунистической фракции Белорусской Ассоциации пролетарских писателей, в котором были разоблачены слухи националистов и установлено, что автором этого к.р. произведения является А.Дудор. В скором времени А.Дудор был выслан из пределов Белоруссии. Впоследствии он, вплоть до своего второго ареста, мстил мне, натравляя против меня богемствующую группу писателей и около литературной публики).

в) На собрании Минского партийного актива я делал доклад об итогах работы Всесоюзного съезда писателей. В числе записок я получил, видимо, уже заранее заготовленный рифмованный пасквиль, в котором меня называли "человеком, продавшимся московскому червонцу". Этот к.р. стишок я здесь же в президиуме собрания отдал представителю НКВД.

г) Будучи делегатом Всебелорусского съезда Советов, утверждающего Сталинскую Конституцию БССР, я в регистратуре съезда получил, прибывшее по почте, анонимное фото-письмо. На одной стороне - был фотоснимок карты Белоруссии с границами, подчеркнута выключая Смоленск и др. районы РСФСР, как, якобы, районы оторванные от Белоруссии. На обороте этого фото-письма были изложены злопыхательские выпады против меня, как поэта, воспевающего Сталинскую Конституцию. Здесь же на съезде я отдал это письмо нарккому внутренних дел БССР.

д) Я получал присылаемые мне на адрес Союза Советских писателей анонимные письма, напечатанные на шапирографе, где "уведомлялся", что мне как "врагу белорусского народа" вынесен приговор физически меня уничтожить. Письмо было подписано подпольной к.р. организацией: "Таварыства імя Ігнатоўскага". Этот "документ" я отдал в НКВД.

е) Я получал ряд анонимных писем по домашнему адресу. Письма явно к.р. содержания, были и антисемитского характера. Эти письма должны были сыграть роль "предупредительных сигналов", если я не "исправляюсь-то меня физически уничтожат". Письма отданы в НКВД.

ж) Неоднократно я подвергался провокациям по телефону, ложным вызовам в ЦК, оскорблениям и т.д.

Националисты всячески старались скомпрометировать и мои произведения о партии, о вождях партии и народа.

1) Я написал стихотворение "Встреча с товарищем Сталиным". Отдал это стихотворение в "Звезду". Под разными предлогами б. редактор - позднее разоблаченный как троцкист, не помещал его в газете. Вскоре это стихотворение было напечатано в газете "Правда". После этого, по звонку из ЦК КП/б/Б, стихотворение напечатали и в газете "Звезда".

2) Я написал стихотворение "Ночь в разведке" - о роли Серго Орджоникидзе в борьбе за освобождение Белоруссии от белополяков. Отдал его в "Звезду". 11 июля в день XV-й годовщины освобождения Белоруссии от белополяков в "Звезде" это стихотворение не поместили, мотивируя тем, что там, мол, националистические срывы. Но это же стихотворение в этот же день было помещено в газете "Правда". Через несколько дней стихотворение было помещено и в "Звезде". На Всесоюзном литературном конкурсе газет "Правда" на лучшую совет-

скую песню мое стихотворение "Ночь в разведке" было премировано. Всего, из многих сотен стихов, присланных в "Правду" на конкурс, премировано было только четыре: стих А. Суркова "По дорогам знакомым", М. Голодного "Партизан Железняк", И. Купалы "Праваджала маці сына" и мое "Ночь в разведке". Кстати, стихотворение И. Купалы "Праваджала маці сына" троцкисты также в "Звезде" отказались печатать и вынуждены были опубликовать только после появления его на страницах "Правды".

3) Я написал стихотворение "Стена бесстрашных" - памяти С.М. Кирова. На моем творческом отчете на партсобрании Союза писателей, это стихотворение было в решении партсобрания признано лучшим в белорусской советской поэзии. (Это решение было опубликовано в печати). Несмотря на то, что стихотворение "Стена бесстрашных" было опубликовано на первой полосе в газ. "Правда" и перепечатано многими краевыми и областными газетами СССР, в Белоруссии было опубликовано лишь в газ. "Літаратура і Мастацтва", а в "Звезде" появилось только через год.

4) Я написал стихотворение "Всех до одного" против троцкистско-бухаринских бандитов. Несмотря на то, что это стихотворение было опубликовано на стр. "Правда", в Белоруссии оно все же так и не появилось.

Националисты меня ненавидели и за мою активную работу на языковедческом фронте.

Как и на других участках культурного фронта, в области развития белорусского литературного языка, националисты проводили свою подрывную, вредительскую деятельность. Они вводили в словарь белорусского языка националистическую терминологию, полонизм, новые слова, искусственно созданные по национальному образцу, старались всячески повернуть ориентацию развития белорусского литературного

языка на Запад, нейтрализовать его естественное тяготение к языкам народов СССР, в особенности к русскому языку.

По решению бюро ЦК КП/б/Б я участвовал в комиссии по подготовке проекта Закона о реформе правописания белорусского языка. После оглашения Закона, под моей редакцией был издан первый учебник.

Закон о реформе правописания бел. языка был актом большого политического значения. Он раскрыл широкие перспективы для дальнейшего развития белорусского литературного языка. Националисты, кулачество (особенно в Западной Белоруссии) подняли вой о том, что, якобы, этот закон является актом руссификации бел. языка и т.п.

И выступил с большой статьей (печаталась в нескольких №№ "Звезды"), где вскрывал к.р. сущность позиции врагов реформы конкретными примерами из творчества многих писателей доказывал националистическую засоренность бел. литературного языка.

По специальному заданию ЦК КП/б/Б я написал брошюру о расцвете белорусской культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию, о классовой борьбе в Советской Белоруссии. Эта брошюра нелегально распространилась среди трудящихся Западной Белоруссии.

По моей инициативе, под моей редакцией и с моим докладом о "классовой борьбе на языковедческом фронте в БССР", издательством Академии наук была издана книга "Белорусские советские писатели о реформе правописания белорусского языка". Книга эта сыграла немалую роль в борьбе с врагами белорусской советской культуры.

После известного выступления М. Горького со статьей "О языке", призывавшей бороться за чистоту языка, против засоренности его как провинциализмами, так и словами иностранного происхождения, под моей редакцией и с моей вступительной статьей издательством Академии наук БССР была выпущена книга "Пісьменнік і мова" - также

сыгранная немалую роль в борьбе с националистами на языковедческом фронте и с писателями, протаскивающими чуждые советской литературе элементы в белорусский литературный язык.

ГИЗ БССР была издана в переводе на белорусский язык книга И.В. Сталина "Вопросы ленинизма".

Перевод был сделан так, что грубо искажал содержание книги. Об этом я написал (дав конкретный анализ перевода) в бюро ЦК КП/б/Б. Факты, изложенные в моем заявлении, подтвердились. Перевод книги был изъят. Одновременно были подвергнуты проверке переводы всех книг руководителей партии и правительства.

После изъятия, как политически вредного, националистического "русско-белорусского словаря" - Войкова и Некрашевича, по заданию ЦК КП/б/Б, под моей редакцией и с моей большой вступительной статьей вышел в издательстве Академии наук БССР, действующий и ныне "Русско-белорусский словарь". В этом словаре имеются серьезные недостатки научного характера, но по своей политической направленности он полностью советский, наш.

Одним из первых я начал переводить на белорусский язык произведения русских поэтов и поэтов братских республик. Мною переведена полностью также поэма А.С. Пушкина "Руслан и Людмила", стихи "Памятник", "Ода о вольности".

После изъятия переводного текста "Интернационала" (перевод Н. Купалы) как искажающего классовую сущность пролетарского гимна, я работал над переводом "Интернационала" и мой перевод был опубликован в прессе БССР.

Я мог бы перечислить множество фактов, как по заданию ЦК КП/б/Б, мне приходилось бороться по ликвидации окружения Н. Купалы националистически-настроенными писателями, за вовлечение Н. Купалы в советскую тематику, за что я заслужил нелюбовь среди "определенных кругов".

Под руководством ЦК КП/б/Б вместе с другими писателями-коммунистами я систематически и активно боролся с националистически-кулацкими проявлениями на литературном фронте, в частности вскрывал идейно-вредную нам сущность произведений многих членов "Узвышша", за что также я заслужил нелюбовь среди "определенных кругов".

Не могу не упомянуть и о своих ошибках. Все они приходится на период до 1930г. и объясняются в основном следующими факторами:

1) Не всегда достаточно высокая теоретическая подготовка и политическая сознательность, что в определенной мере связано с периодом творческого становления (в 1930г. мне было 24 года).

2) Крайняя засоренность руководящего аппарата Белоруссии замаскированными врагами народа.

3) Чрезвычайная сложность в расстановке сил на литературном фронте.

Но эти ошибки и до 1930г. в общем удельном весе моего творчества играли минимальную роль. Крупнейшей из них считаю написанный в 1930г. акростих. Содержание этого акростиха ("Векапомныя паходы") об "активно приобрело политически вредный характер.

В свое время дал исчерпывающее объяснение ЦК КП/б/Б о партгруппе союза писателей. Признал эту грубую ошибку и в последующие годы активной, партийно-заостренной творческой работой доказал, что этот "акростих" был у меня наносным явлением.

С 1938 года я не принимаю участия в создании белорусской советской литературы. Но в годы, проведенные мною в заключении, несмотря на сложные специфические условия, я отдавал все свои силы общему делу советского народа. И работал на важном для страны оборонном комбинате. Освоив технологический процесс, я систематически обеспечивал перевыполнение производственных планов на вверенном мне участ-

ке, за что неоднократно премировался. За годы Великой Отечественной войны получил от Центрального Штаба трудового соревнования 12 грамот. Четыре раза представлялся Командованием комбината в Особое совещание НКВД СССР для поощрения и каждый раз получал сокращение срока своего пребывания в лагере. Кроме своей производственной работы, я принимал активное участие в печати, помещая стихи, очерки и т.д.

Красноречиво косвенным доказательством моей непричастности к к.р.национализму - агентуре польско-немецкого фашизма явилось поведение белорусской национал-фашистской прессы, состоявшей на службе у немцев, в период оккупации. Если все белорусские поэты и писатели, арестованные в разное время органами НКВД за свою националистическую и иную вражескую деятельность, поднимались на щиты, изображались как "жертва большевиков", то по отношению ко мне применялись презрительные эпитеты вроде "большевистский подбрехич", "партийный одописец" и т.д. При всем желании к.р.националисты не могли использовать демагогически ни одной строчки из моих произведений, хоть это было бы им выгодно, ибо я находился в заключении, и они не отказались бы сыграть на моей бывшей популярности.

Это было связано в частности с тем, что на протяжении более чем 15 лет западно-белорусские националисты никогда не напечатали ни одной моей строчки в своей прессе, в то время, как в ней были напечатаны отдельные произведения других бел.советских писателей.

Происходило же это в значительной мере потому, что пафос моего творчества, его лейтмотив, его красная нить заключались в обличении и клеймении фашизма всех мастей - немецкого и польского, потому что в моих поэмах и стихах с наибольшей широтой и раньше других в тогдашней бел.литературе была поставлена тема гневного разоблачения

фашистской Польши и ее политики гнета по отношению к белорусскому народу, так и режима голода и войны гитлеровской Германии.

Именно поэтому так обидно и горько слышать, что с особым упорством я подвергаюсь нападкам тех лиц, которые старательно избегают в своем творчестве современной темы, или при обращении к ней терпят решительную неудачу.

Сейчас я работаю над новыми произведениями о героике восстановления народного хозяйства советской страны, о людях великой сталинской послевоенной пятилетки.

Работая на Минском тракторном заводе (куда я по собственной инициативе просил меня направить), я добросовестно выполняю все задания. Однако условия, в которых мне приходится жить и работать заставляют меня обратиться к Вам, просить Вас помочь решить мою судьбу как советского поэта.

Я чувствую и внутренне убежден, что смогу не малое сделать полезное для советской культуры. И заверяю Вас, что буду напряженно и искренне трудиться над созданием произведений, достойных наших великих дней.

Я хочу жить, жить полнокроной, политически активной творческой жизнью. На это я имею право. Но условия сложились так, что я вынужден обратиться к Вам за помощью

Прошу Вас принять меня.

Андрей Александрович.

20. I. 48

Г. М и н с к
Минский тракторный завод
дом № 3, кв. 3
Андрей Иванович Александрович

В е р н о :